

РЕЛИГИОЗНАЯ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ МУСУЛЬМАН СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО И СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА: СОДЕРЖАНИЕ И ОСОБЕННОСТИ СООТНОШЕНИЯ¹

ПАВЛОВА

Ольга Сергеевна

кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры этнопсихологии
и психологических проблем
поликультурного образования;
Московский городской психолого-
педагогический университет (127051,
г. Москва, ул. Сретенка, д. 29).
E-mail: os_pavlova@mail.ru

Аннотация. В статье представлены результаты социально-психологического исследования, посвященного изучению этнической и религиозной (исламской) идентичности представителей этносов Северного Кавказа: чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев, адыгов. Описано содержание этнической и религиозной идентичности, ее отдельных компонентов. На основе эмпирического материала делается вывод о разнообразии соотношения между этничностью и религиозностью у представителей мусульманских северокавказских этносов.

Ключевые слова: этническая идентичность, религиозная идентичность, полиюридизм, Северный Кавказ.

Современный российский ислам представлен разнообразными этносами, его исповедующими. В каждом регионе, где проживают мусульмане, сложилась своя специфика религиозных практик; кроме того, степень включенности мусульман в исламскую практику значительно колеблется. У представителей мусульманских этносов России по-разному складываются отношения в структуре социальной идентичности, в частности в контексте соотношения между этнической и религиозной (конфессиональной) идентичностью.

Содержание понятия «этническая идентичность» в социальной психологии трактуется как осознание собственной принадлежности к определенной этнической группе². Т. Г. Стефаненко выделяет в структуре этнической идентичности когнитивный и аффективный компоненты³. Л. М. Дробижева⁴ описывает поведенческий

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 15-06-10843 «Риски и ресурсы религиозной идентичности в современной России: кросс-культурный анализ».

² Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М., 2006.

³ Там же.

⁴ Дробижева Л. М. Этническая идентичность // Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. / [отв. ред. И. С. Семенов]. М., 2012. Т. 1. Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий. С. 130.

компонент в структуре этнической идентичности. По мнению автора, этническая идентичность предполагает наличие эмоционально окрашенного образа «мы», а также этнических интересов, в соответствии с которыми осуществляется деятельность.

Религиозная и конфессиональная идентичности в последние десятилетия заняли прочное место в общественном дискурсе в России и мире. Рассмотрение религиозной идентичности происходит в контексте индивидуальной идентичности как «приобретение посредством религии собственного экзистенциального опыта»¹, и в контексте социальной идентичности как принадлежность к определенному сообществу (например, мусульманская умма). Религия выступает и как содержание, и как инструмент идентификационного процесса. М. М. Мчедлова определяет религиозную идентичность как результат самоотождествления личности или референтного сообщества с определенным религиозным учением или его частью². Автор выделяет внутреннюю религиозность, т. е. Веру как таковую, и внешнюю религиозность — т. е. соблюдение определенных религиозных обрядов, церемоний, ритуалов. Религиозная идентичность охватывает весь диапазон отношения людей к религии: от безусловной веры до агностицизма, неверия и атеизма³. Конфессиональная идентичность рассматривается как составная часть религиозной идентичности, являющаяся результатом соотнесения себя с определенным религиозным учением или конфессией⁴.

Наиболее актуальным на сегодняшний день является вопрос о религиозной идентичности в рамках ислама. Ее исследованиям посвящено много работ. В частности отмечается, что специфика исламской идентичности связана с тем, что ислам — это «не только религия, но и мирская социальная система»⁵. «Ислам институализирует практически все сферы жизнедеятельности человека и общества, поэтому можно сказать, что «ислам есть образ жизни»»⁶.

О соотношении исламской религиозной идентичности и этничности рассуждает в программной статье «Российское мусульманство: при-

¹ Крылов А. Н. Религиозная идентичность. Индивидуальное и коллективное самосознание в постиндустриальном пространстве. 2-е изд. М., 2012. С. 27.

² Мчедлова М. М. Религиозная идентичность // Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. / [отв. ред. И. С. Семененко]. М., 2012. Т. 1. Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий. С. 123.

³ Там же. С. 124.

⁴ Мчедлова М. М. Конфессиональная идентичность // Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. / [отв. ред. И. С. Семененко]. М., 2012. Т. 1. Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий. С. 127.

⁵ Кудряшова И. В. Политические изменения и трансформация идентичности в странах мусульманского Востока // Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. / [отв. ред. И. С. Семененко]. М., 2012. Т. 2: Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке. С. 158.

⁶ Албакова Ф. Ю. Каноны социально-экономической деятельности в исламе // Ценностные ориентиры в экономической среде исламского мира: Сборник статей / под ред. С. В. Пирогова. М., 2009. С. 37.

зыв к осмыслению и контекстуализации», напечатанной к юбилейному X Международному мусульманскому форуму, Д. В. Мухетдинов. Автор подчеркивает, что социализация человека происходит в рамках определенного общества, определенной этнической традиции, носителем которой человек является. «Духовное развитие обозначает не отказ от этничности — в этом мире от нее в принципе нельзя отказаться, как нельзя отказаться от тела и ментальности — но совершенствование внутри тех границ, тех рамок, которые нам ставит этничность. Этничность слишком сильно обуславливает наше бытие, чтобы можно было закрыть на нее глаза; даже осознанная попытка освобождения от этничности будет означать либо переход в иную этническую группу, либо отказ от рефлексии над собственной этничностью»¹. Автор убедительно доказывает, что с VII века ислам, существуя в конкретных культурах, «давал оригинальные ростки, формируя локальные способы поклонения, или практики Ислама»².

Изучение специфики религиозной, конфессиональной (исламской) идентичности связано, прежде всего, с проблемами последних десятилетий, возникшими на Северном Кавказе. «Ислам на Северном Кавказе — это один из факторов, формирующих местную идентичность, воздействующих на мировоззрение индивида, этнического социума»³. Сильную степень исламской идентичности фиксируют исследования, проводимые в разных республиках Северокавказского региона, наибольшую же демонстрируют чеченцы, ингуши, дагестанцы, карачаевцы⁴. А. В. Малашенко выделяет несколько уровней исламской идентичности⁵. Первый (личностный) уровень связан с верой во Всевышнего и носит мировоззренческий характер. Второй уровень — традиционно-обрядовый. Этот уровень, по мнению А. Крылова, и формирует одну из важнейших социальных функций религии — идентификационную⁶. Тесно связан с этим уровнем третий уровень, на котором происходит социализация мусульман как членов общины.

Детальное изучение включенности представителей традиционно мусульманских этносов в реальную религиозную практику, изучение специфики содержания религиозной идентичности, отдельных ее компонентов; отношений, возникающих между религиозной и этнической идентичностью представляется на сегодняшний день интересным и своевременным.

¹ Мухетдинов Д. В. Российское мусульманство: призыв к осмыслению и контекстуализации // Минарет ислама. 2014. № 3–4. URL: http://www.idmedina.ru/books/history_culture/?6180

² Там же.

³ Малашенко А. В. Исламские ориентиры Северного Кавказа. М., 2001. С. 61.

⁴ Там же. С. 62.

⁵ Там же. С. 62.

⁶ Крылов А. Н. Религиозная идентичность. Индивидуальное и коллективное самосознание в постиндустриальном пространстве. 2-е изд. М., 2012. С. 59.

С целью изучения специфики содержания и степени выраженности религиозной (конфессиональной) и этнической идентичности этносов Северного Кавказа (чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев, адыгов) проведено социально-психологическое исследование. Всего в исследовании приняли участие 1713 респондентов, из них 508 чеченцев, 478 ингушей, 470 адыгов (435 респондентов идентифицировали себя как кабардинцы, 35 — как черкесы), 132 карачаевца, 125 балкарцев. Для изучения структуры социальной идентичности использовались следующие методики: тест М. Куна и Т. Макпартленда «Кто Я?», неоконченные предложения (авторский вариант), опросник (авторский вариант). Распределение ответов было получено с помощью статистического пакета SPSS for Windows 18.0.

Остановимся подробнее на некоторых особенностях этнической и религиозной идентичности респондентов. В табл. 1 отражены результаты идентификационной матрицы респондентов по тесту «Кто Я» относительно этнической и религиозной идентичности. По мнению Г. У. Солдатовой, «групповой «Я-образ» — это не всеобъемлющая характеристика группового самосознания, а его наиболее очевидная и центральная часть... это совокупность идентичностей»¹.

Таблица 1

Особенности этнической и религиозной идентичности респондентов

Респонденты	Этническая Идентичность (ЭИ)		Религиозная (исламская) Идентичность (РИ)	
	% указавших ЭИ (от общего числа респондентов)	Из них% указ-х ЭИ на 1–5 месте	% указавших РИ (от общего числа респондентов)	Из них% указ-х РИ на 1–5 месте
Чеченцы	62,6	86,2	46,9	77,3
Ингуши	67,4	79,5	59,4	65,2
Адыги	39,8	64,7	21,0	49,4
Карачаевцы	61,4	69,1	53,0	70,0
Балкарцы	57,6	72,2	37,6	59,6

Как видно из табл. 1, этническая идентичность у всех групп респондентов доминирует над религиозной. При этом, если у чеченцев, ингушей, карачаевцев и балкарцев самоидентификация по принадлежности к этнической группе выражена на уровне 57–67%, то у адыгов она едва достигает 40%. У подавляющего большинства всех респондентов, указавших свою этническую идентичность, она занимает ведущие по-

¹ Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности. М., 1998. С. 32.

зиции (находится ценностном ядре идентичности, занимая с 1 по 5 место). Религиозную идентичность указали в качестве наиболее значимой около 50% чеченцев, ингушей, карачаевцев, тогда как для адыгов и балкарцев она значима в меньшей степени. Только 21% адыгов идентифицировали себя как мусульмане, при этом лишь у половины из них она находится на 1–5 месте, что существенно ниже, чем у остальных групп респондентов.

Обращает на себя внимание тот факт, что, являясь, по сути, единым этносом, карачаевцы и балкарцы демонстрируют различные результаты. Очевидно, что на содержание и структуру социальной идентичности оказывает большое влияние целый ряд факторов, среди которых территория проживания, межкультурные связи с другими этносами, т. е. специфика социального контекста. Так, ответы балкарцев занимают срединное место между данными, полученными по карачаевцам и адыгам, иногда ближе к первым, иногда — к последним.

Детальный анализ показал, что в большинстве ответов чеченцев (63,8%) и в 41,8% ответов ингушей¹ этническая и конфессиональная идентичности слиты в одно целое. Они указываются в ответах, как правило, на первых местах: *Я — чеченец, мусульманин. Я — мусульманка, ингушка*. «Этничность и религиозность для чеченцев являются тесно взаимосвязанными, взаимодополняющими, неотделимыми составляющими идентичности»². Для ингушей «религия служит мощным маркером идентичности: невозможно быть ингушом и не быть мусульманином»³. У представителей Северо-Западного Кавказа мы такой тенденции практически не обнаружили (ее признаки наметились у карачаевцев, но выражены примерно в 10% случаев). По мнению И. И. Маремшаовой, «при общей богобоязни карачаево-балкарцев отнесение себя к той или иной конфессии вторично»⁴.

Необходимо отметить, что при этом для современной ситуации на Северном Кавказе характерна дилемма иерархии конфессиональной и этнической идентичности: кем быть прежде всего — мусульманином или представителем этноса? Наиболее остро эта проблема стоит в адыгском общественном сознании, в частности между молодежью и старшим поколением⁵.

¹ Павлова О. С. Этническая, религиозная и государственно-гражданская идентичность чеченцев и ингушей: содержание и проблемы соотношения // Социальная психология и общество. 2013. № 2. С. 123–124.

² Жемчураева С. Ш. Теоретико-методологические аспекты социологической диагностики идентичности чеченцев в полиэтнической среде. Дисс. ... канд. соц. наук. Саратов, 2010. С. 12.

³ Матвеева А., Савин И. Ингушетия: выстраивая идентичность, преодолевая конфликт // Северный Кавказ: Взгляд изнутри. Вызовы и проблемы социально-политического развития / под ред. А. Г. Матвеевой, А. Ю. Скакова, И. С. Савина. М., 2012. С. 105.

⁴ Маремшаова И. И. Эволюция этнического сознания карачаево-балкарского народа. Дисс... доктора ист. н. Махачкала. 2002. С. 212.

⁵ Бабич И. Л. Взаимосвязь современных горских идеологий и национальных интересов России на Северном Кавказе // Северный Кавказ в национальной стратегии России. М., 2008; Бабич И. Л. Поиски современной горской идеологии // Кавказ и глобализация. 2006. № 1.

Содержание этнической и религиозной идентичности было изучено с помощью методики «Неоконченные предложения». Обратимся к анализу ответов респондентов. Продолжая предложение **Быть представителем своего народа для меня это значит ...** подавляющее большинство респондентов во всех выборках описывали этническую идентичность через ее аффективный компонент: это **честь, гордость, ответственность**: *Быть достойным сыном своего народа; Относиться к древнему великому народу, соблюдать все традиции, обычаи, быть полезным своему народу; Гордо нести флаг Республики; Достоинно представлять Ингушетию, быть достойной дочерью народа (инг.); Быть тем, кем люди могут гордиться; Быть достойным его представителем, любить Родину и бороться за ее мир и процветание; Быть достойной своих предков; Соответствовать уровню благородных представителей великой чеченской нации (чеч.); Гордость в том, что я родился балкарцем. Я — представитель великого, но чуть-чуть маленького народа; Любить свой народ и гордиться им (балк.); Быть славным сыном своего народа; Быть частью одного из самых великих и прекрасных народов Кавказа; Быть во всем лучшим (карач.); Быть гордой, что я родилась именно в этом народе, который уважают, ценят и любят; Гордо нести это звание, не только на словах, но и на деле (кабард.); Стать лучше; Гордиться своей нацией и следовать ее традициям, обычаям и образу жизни; Следовать принципам Адыгства и прославлять свой народ (черк.).*

Содержание этнической идентичности представлялось респондентами не только через ее аффективный компонент, но и через когнитивный и поведенческий компоненты. **Быть настоящим представителем своего народа** — это значит знать его историю, обычаи, традиции, язык и следовать им в повседневной жизни. Ответы респондентов разных этнических групп были идентичны друг другу, отражая искреннюю гордость и любовь к своему народу и желание соответствовать лучшим образцам поведения.

Анализ ответов респондентов на неоконченное предложение **Быть настоящим мусульманином — это значит ...** выявил существенные различия в содержании религиозной идентичности респондентов. Для вайнахов и карачаевцев типичными были ответы, раскрывающие аффективный компонент религиозной идентичности: *быть мусульманином — это огромное счастье, это радоваться, быть самым счастливым, стоять на самой высшей ступеньке, идти по правильному пути (инг.); Для меня это все; Быть поистине счастливым человеком; Быть ближе к раю; Я горжусь тем, что я мусульманка (чеч.), Быть самым счастливым человеком; Тебе очень сильно повезло (карач.).* Раскрывая когнитивный и поведенческий компонент, вайнаховские и карачаевские респонденты обозначали в качестве необходимых содержательных компонентов ре-

лигиозной идентичности соблюдение 5 столпов ислама, знание Корана, шариата; нравственные нормы в отношениях с людьми: *достойно прожить эту жизнь, которая дарована и предначертана Всевышним, никогда не давая никаким жизненным трудностям, какими бы они не казались большими, поставить себя на колени, не ропща, искренне веря, моля и уповая во всем полностью на Аллаха; Уважительно относиться к окружающим, и главное быть чистым душой; Любить людей; Желать всем того, чего желал бы себе (инг.); Быть справедливым, честным человеком. Сильным; Быть мужественным, всезнающим, верующим. Не лицемерить. Не завидовать, помогать нищим, не лгать; Быть честным, гордым, не сдаваться ни перед чем; Быть благочестивым; Быть гордостью, быть скромностью всех; Быть праведным человеком; Жить честно, умереть достойно (чеч.).*

Аффективный компонент религиозной идентичности балкарских респондентов также отражал веру и гордость за свою религию, как и в предыдущих примерах. Но в отношении соблюдения религиозных практик наши респонденты высказывались несколько иначе. По мнению некоторых балкарских респондентов, быть мусульманином — это *не делать ничего плохого и по-возможности соблюдать правила; Верить в Бога молча, для себя (балк.)*. Встречались ответы, которые обозначали соотношение между религиозной и гражданской идентичностью: *быть настоящим мусульманином — это знать законы, нормы гражданского государства, где живут (балк.)*. Можно было встретить примеры смены конфессиональной принадлежности: *Быть мусульманкой — это быть покорной Аллаху, но являясь православной христианкой, я считаю, что это соблюдение всех законов Божьих (балк.)*. Респондент-балкарец 18-ти лет обозначил свою религиозную идентичность **итсист** — наличие веры, не связанной с рамками конкретной религии.

Подобные ответы встречались и в анкетах адыгских респондентов, и свидетельствовали о том, что вопреки этнической традиции, ряд адыгов не считают себя мусульманами: **Быть настоящим мусульманином — это значит ...** *Не знаю, я христианка; Я не мусульманин; Не кричать на каждом шагу, что ты мусульманин. А вообще мне все равно, я атеист; Не знаю, наверное я ненастоящий мусульманин (для меня это не самое важное в жизни); Быть арабом и жить в одной из арабских стран (кабард.)*.

Встречались ответы, аналогичные ответам балкарских респондентов: **быть настоящим мусульманином** — это значит *оставаться верным вере и не пытаться навязывать ее окружающим (кабард.); знать главные столпы религии, выполнять их по мере возможности в условиях проживания; умение сочетать религиозную практику и требования светского государства (черк.)*. Эти ответы отражали беспокойство кабардинских

респондентов за попытки активно соблюдающих мусульман навязать свою религиозность окружающим и обозначили возможные конфликты между религиозной и гражданской идентичностью. Еще большую озабоченность и беспокойство отразили ответы, в которых рефреном звучал призыв: **не убивать**: например: **Быть настоящим мусульманином — это значит ... Быть не фанатичным и не убивать и не резать людей; Не убивать, чистое сердце, быть добрым; Не лгать, не желать зла другому, не мстить, не убивать, не воровать, следить за речью и многое другое; Быть добропорядочным, не унижать другие религии, не совершать зло, не пить, не курить, и не убивать. А самое главное верить в Аллаха (кабард.).**

Другую сторону определенных сложностей, связанных с выполнением религиозной практики в Кабардино-Балкарии, отразил такой ответ: **Быть настоящим мусульманином — это верить в то, что Аллах есть и он Велик, и что он поможет в трудную минуту, если искренне попросить. А следовать сейчас всем законам шариата небезопасно (кабард.).**

Таким образом, анализ ответов, раскрывающих содержание религиозной идентичности респондентов Северного Кавказа показывает, что при формальном (этнографическом) отнесении большинства северокавказских этносов к мусульманскому пространству РФ, степень включенности их представителей в религиозную практику и понимание сути религиозности в контексте ислама очень разное. Кроме того, среди адыгов и, изредка, балкарцев, встречаются лица, не относящие себя к мусульманской умме.

Еще одним интересным показателем, позволяющим охарактеризовать, в том числе, степень религиозности респондентов и соотношение между разными видами идентичности, было отношение к полиюридизму, исторически сложившемуся в обществах Северного Кавказа. Полиюридизм (правовой плюрализм) — такая правовая ситуация, когда параллельно действуют нормы обычного права (ада-ты), законы шариата и система современного российского законодательства¹. Специфика общественной жизни северокавказских народов такова, что различные правовые системы дополняют друг друга. Факты юридического плюрализма не являются уникальной чертой современного российского Кавказа; они в той или иной степени наличествуют в Японии, США, Швейцарии, Франции. Для народов мира, исповедующих ислам, эта ситуация тоже является достаточно распространенной.

В ходе анкетирования мы задали нашим респондентам следующий вопрос: «Как Вы считаете, чем должно прежде всего регулироваться

¹ Першиц А.И., Смирнова Я.С. Юридический плюрализм народов Северного Кавказа // Общественные науки и современность. 1998. № 1. С. 81.

ваше поведение в настоящее время (расставьте цифры от 1 до 5 в порядке повышения значимости: 1 — наименее важное, 5 — самое важное):

- Законами шариата;
- Общегосударственными законами;
- Национальными обычаями и традициями;
- Нормами национальной этики;
- Нормами и требованиями своего рода/тейпа (тайпа).

Ответы на этот вопрос можно увидеть в таблице № 2.

Таблица 2

**Распределение ответов на вопрос
«Чем должно прежде всего регулироваться ваше поведение
в настоящее время» (представлены средние значения в баллах)**

Этническая группа	Законами шариата	Общегосударственными законами	Национальными обычаями и традициями	Нормами национальной этики	Нормами и требованиями своего рода/ тейпа
Ингуши	3,7	2,6	3,6	3,2	2,8
Чеченцы	3,1	2,7	3,7	3,0	2,6
Адыги	3,0	3,0	3,7	3,4	3,3
Карачаевцы	3,6	3,0	3,4	2,9	2,9
Балкарцы	3,5	3,0	3,3	3,1	3,2

Из табл. 2 видно, что в различных группах респондентов баллы распределились по-разному. Законами шариата предпочитают руководствоваться ингуши и представители карачаево-балкарского этноса. Наивысший балл по предпочтениям традиций поставили чеченцы, адыги и ингуши. Ориентируются на свой род в большей степени адыги и балкарцы. В этих обществах понятие рода связано не только с понятием родства, сколько с родовитостью, проистекающей из сословных различий, исторически сложившихся в обществах Северо-Западного Кавказа. Высокая статистическая достоверность различий обнаружена по предпочтению законов шариата ($p=0,000$) и общегосударственных законов ($p=0,003$) между адыгами и ингушами, по предпочтению традиций и обычаев между карачаевцами и чеченцами ($p=0,01$), балкарцами и чеченцами ($p=0,009$), по нормам и требованиям своего тайпа/рода между балкарцами и чеченцами ($p=0,001$), адыгами и чеченцами ($p=0,000$), адыгами и ингушами ($p=0,003$).

Таблица 3

Ранговая структура регуляторов поведения респондентов

Место в ранговой структуре	Ингуши	Чеченцы	Адыги	Карачаевцы	Балкарцы
1	Шариат	Традиции	Традиции	Шариат	Шариат
2	Традиции	Шариат	Нормы этики	Традиции	Традиции
3	Нормы этики	Нормы этики	Род	Гос. законы	Род
4	Тейп	Гос. законы	Гос. законы	Род Нормы этики	Нормы этики
5	Гос. законы	Тайп	Шариат		Гос. законы

Детальный анализ регуляторов поведения позволил выстроить ранговую структуру регуляторов социотипического поведения (см. табл. 3). Законы шариата оказались на первом месте у ингушей и представителей карачаево-балкарского этноса, а традиции и обычаи — у адыгов и чеченцев. Примечательно, что у адыгов законы шариата оказались на последнем месте. Важнейшими регуляторами социального поведения для адыгов наряду с традициями и обычаями являются нормы адыгской этики Адыгэ Хабзэ. У вайнахов, карачаевцев и балкарцев тесно переплетаются в единое целое религиозные и традиционные общественные нормы.

Таким образом, результаты проведенного социально-психологического исследования, направленного на изучение содержания и специфики религиозной и этнической идентичности этносов Северного Кавказа, отражают картину культурного многообразия и подчас сложный характер взаимоотношений, складывающихся в структуре социальной идентичности респондентов.

Литература

Албакова Ф. Ю. Каноны социально-экономической деятельности в исламе // Ценностные ориентиры в экономической среде исламского мира: Сборник статей / под ред. С. В. Пирогова. М., 2009. С. 37.

Бабич И. Л. Взаимосвязь современных горских идеологий и национальных интересов России на Северном Кавказе // Северный Кавказ в национальной стратегии России. М., 2008.

Бабич И. Л. Поиски современной горской идеологии // Кавказ и глобализация. 2006. № 1.

Дробижева Л. М. Этническая идентичность // Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. / [отв. ред. И. С. Семенов]. М.,

2012. Т. 1. Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий. С. 130.

Жемчураева С.Ш. Теоретико-методологические аспекты социологической диагностики идентичности чеченцев в полиэтнической среде. Дисс. ... канд. соц. наук. Саратов, 2010. С. 12.

Крылов А.Н. Религиозная идентичность. Индивидуальное и коллективное самосознание в постиндустриальном пространстве. 2-е изд. М., 2012. С. 27.

Крылов А.Н. Религиозная идентичность. Индивидуальное и коллективное самосознание в постиндустриальном пространстве. 2-е изд. М., 2012. С. 59.

Кудряшова И.В. Политические изменения и трансформация идентичности в странах мусульманского Востока // Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. / [отв. ред. И. С. Семененко]. М., 2012. Т. 2: Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке. С. 158.

Малашенко А.В. Исламские ориентиры Северного Кавказа. М., 2001. С. 61.

Маремшаова И.И. Эволюция этнического сознания карачаево-балкарского народа. Дисс. ... доктора ист. наук. Махачкала. 2002. С. 212.

Матвеева А., Савин И. Ингушетия: выстраивая идентичность, преодолевая конфликт // Северный Кавказ: Взгляд изнутри. Вызовы и проблемы социально-политического развития / под ред. А.Г. Матвеевой, А.Ю. Скакова, И. С. Савина. М., 2012. С. 105.

Мухетдинов Д.В. Российское мусульманство: призыв к осмыслению и контекстуализации // Минарет ислама. 2014. № 3–4. URL: http://www.idmedina.ru/books/history_culture/?6180

Мчедлова М.М. Конфессиональная идентичность // Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. / [отв. ред. И. С. Семененко]. М., 2012. Т. 1. Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий. С. 127.

Мчедлова М.М. Религиозная идентичность // Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. / [отв. ред. И. С. Семененко]. М., 2012. Т. 1. Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий. С. 123.

Павлова О.С. Этническая, религиозная и государственно-гражданская идентичность чеченцев и ингушей: содержание и проблемы соотношения // Социальная психология и общество. 2013. № 2. С. 123–124.

Перишц А.И., Смирнова Я.С. Юридический плюрализм народов Северного Кавказа // Общественные науки и современность. 1998. № 1. С. 81.

Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М., 1998. С. 32.

Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М., 2006.

RELIGIOUS AND ETHNIC IDENTITY OF THE SOUTH-WEST AND SOUTH-EAST CAUCASUS' MUSLIMS: THE SUBSTANCE AND RATIO SPECIFICS

Olga S. PAVLOVA

Cand. Sci. (Pedag.), Associate Professor of the Chair of Ethnic Psychology and Psychological Problems of Polycultural Education, Moscow State University of Psychology and Education; (29, Sretenka St, Moscow, 127051, Russian Federation).
E-mail: os_pavlova@mail.ru

Abstract. The article considers the results of a social-psychological research on the ethnic and religious (Muslim) identity of the ethnic groups in the Northern Caucasus: Chechens, Ingushes, Karachays, Balkars and Adyghes. The article also describes the substance of ethnic and religious identity and its particular components. Proceeding from the empirical data, the conclusion is made about the diversity of correlations between ethnicities and religious identities of the North Caucasus peoples.

Keywords: ethnic identity, religious identity, polyjuridism, North Caucasus

